

Великая депрессия

Известие о самоубийстве Юлии Друниной меня потрясло. За месяц до этого мы одновременно отдыхали в Крыму в ее любимом и еще незакордонном Коктебеле, встречались по несколько раз на дню, обедали за соседними столами. Разумеется, чужая душа потемки, но внешне трагедии ничто не предвещало. Да и муза Друниной, воспитанная на заветах фронтового братства, солдатской стойкости и надежды, никак не увязывалась в сознании, да и теперь не увязывается с душевным надломом и отчаянием.

Как известно, поэтам свойственно накликивать судьбу, так вот в данном случае об этом не может быть и речи. Перехожу к самому горькому: сообщение об этом добровольном уходе из жизни меня ужаснуло, но не удивило. Как ни дико это прозвучит, предвижу дальнейшую цепь подобных сведений счетов с собственной жизнью и судьбой. Суицидальное томление разлило в воздухе. Жестоким финал частной жизни предстает в некотором смысле символом переживаемых дней. «...Погребают эпоху...», как с беспощадной точностью определила похожий исторический момент великая женщина русской поэзии. Не каждому дано эту свою эпоху пережить.

Надеюсь, понятно, что речь идет не о трудностях со снабжением, не о призраке голода, все чаще навещающем городские квартиры. Хотя оскудение материальной сферы психологически подавляет самых благополучных, вполне достаточных людей, может быть, именно их в первую очередь. Но, повторяю, речь теперь не об этом. И не о драме конформистов, изо всех сил старавшихся приспособиться и примениться к условиям и капризам еще вчера казавшейся незбылемой, «тысячелетней» системы. За конформистов я как раз спокоен, оправившись после временного шока, они воспрянут духом в качестве глашатаев национальной идеи или свободного предпринимательства.

Кровными детьми рухнувшего времени ощутили себя вдруг именно искренние, органически честные люди. Причем нередко те, которых это самое время третировало как пасынков, не упуская случая унижить их, узавить их самолюбие, указать им властно и пренебрежительно на раз и навсегда отведенное им место.

Вот они-то и переживают сейчас глубочайшую из душевных депрессий. Потому что связь с великой иллюзией осуществлялась, оказывается, даже в принципиальном ей противостоянии.

Можно было откровенно

подвергать сомнению постулаты официальной идеологии, высмеивать глуповатые изыски очередной пропагандистской кампании, и в глубине души верить в интернационализм и в братство кормящихся своим трудом людей. Можно от всего сердца желать свободы и самоопределения всем народам, населяющим шестую часть земли, и при этом не считать себя ответственным за мифический имперский комплекс превосходства. Не говоря уж о грехе колонизаторского высокомерия. Можно вопреки традициям воспитания лелеять и пестовать свой драгоценный индивидуализм, свою потребность в отдельности и непохожести, и в то же самое время чувствовать ежедневную необходимость в тепле коллективизма, совместности, естественного человеческого участия.

Встречая вместо этого отчуждение, холодное равнодушие навсегда расходящихся людей, сопровождаемое при этом кладбищенскими каламбурами неизвестно чему радующейся «молодой» прессы — в качестве «светлого будущего» лицезреть перекошенные злобой физиономии «наших» — на это не у каждого хватает душевных сил. И представляет себя в одночасье не гражданином великой, хоть и не самой счастливой страны, а обитателем евразийских задворков — способен не каждый.

Любя русскую литературу какую-то особой ревнивой любовью, относясь к великим писателям, будто к личным знакомым, я давно интересовался смертью Александра Блока. Загадкой его необъяснимой, неорганической болезни. Обстоятельствами, при которых иссякло живительное благо его жизни. Давно интересовался и, смею надеяться, кое о чем догадывался. Но только теперь понимаю, что происходило и как. Вернее, чувствую. Чувствую, как иссякает это самое священное благо жизни. Как умолкла музыка. Как не хватает воздуха. Как накатывает временами без видимых конкретных причин злая истерическая тоска. Как овладева-

ет сознанием тупая сумеречная апатия, которую Марина Цветаева называла «нежеланием быть».

Опять потревожил великую тень. Великие, откровенно говоря, не заблуждались по поводу старой России. Видели все ее пороки, страдали от невежества, презирали и клеймили набирающую силу буржуазность. Но дожив до краха империи, запоздало оценили свойственную ей налаженность быта, автономность духовного бытия, и даже определенную гармоничность человеческих отношений. Вот и мы, нынешние, не партократы, не «звезды» номенклатуры, не кавалеры застоя, с сердечным спазмом наблюдаем, как стропила рухнувшего миропорядка задавили наши ценности и легенды, наши вкусы и предпочтения, эстетику и культуру, моральные нормы, само собою разумеющееся единство разумных людей.

Можно перетерпеть и голоду, и нехватку ширпотреба. В конце концов вся советская цивилизация — сплошная недостача. Мучительная — духовная бездомность. Нравственная бесприютность. Социальное одиночество.

Из квартир нас, даст бог, никто не выселит, какие бы панические заполошные слухи по этому поводу не распространялись. Но вот из географии и из истории, похоже, уже попросили. Даже из транспортной топонимики изъяв свидетельства «великой» эпохи. То есть, простите, нашей обыкновенной, но все же единственной и неповторимой жизни. Которую многие из нас прожили отнюдь не применительно к подлости.

Юрию Олеше в середине двадцатых не давал покоя образ «заговора чувств». Он готов был приветствовать новую рассудочную, по марксистской науке сконструированную жизнь, но при этом с ностальгической мудростью художника понимал, какая красота была сосредоточена в эмоциональном строе старого мира. В великой любви, в безумной ревности, в зависти, в стремлении прогнать, в жажде славы и богатства.

Зачем пишутся эти заметки? Для соболезнования? Для утешения? Ради унятия сердечной тоски? Может быть, для того, чтобы предсказать новый «заговор чувств», оставшихся ныне за исторической чертой. Беспочвенности, верности, интернационализма, уважения к старикам и нормальной для человека солидарности с человеком.

Ан. МАКАРОВ.